

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 903.5:392

ББК 63.48(2Рос-4Алт-6Г)-7+63.52 (2Рос-4Алт-6Г)-534

Базовые признаки погребально-поминальной обрядности лесостепного Алтая в I тысячелетии

А.А. Казаков¹, О.М. Казакова²

¹Барнаульский юридический институт МВД России (Барнаул, Россия)

²Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Basic Features of Funeral and Memorial Rites in the Forest-steppe Altai in the First Millennium

A.A. Kazakov¹, O.M. Kazakova²

¹Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russia)

²Altai State University (Barnaul, Russia)

В работе рассматриваются вопросы общетеоретического характера, связанные с проблемой определения местных культурных традиций. Кратко характеризуются процессы заселения лесостепного Алтая племенами кулайской археологической культуры, которые являются базой для формирования алтайского варианта культуры. Это заселение началось в IV–III вв. до н.э. с инфильтрации в местную среду небольших групп населения новосибирского варианта кулайской культуры, затем с миграционными потоками с территорий Томского Приобья представителей саровского этапа кулайской культуры в конце II в. до н.э., что привело к изменению культуры аборигенного населения. Формирование алтайского варианта кулайской культуры происходило на основе культурного взаимодействия пришлого кулайского населения саровского этапа и местного населения староалейской и каменской культур, что привело к появлению памятников завершающего фоминского этапа. Определена хронологическая граница смены местных культурных традиций (II в. н.э.). Дается характеристика основных черт погребально-поминальной обрядности нового населения, которое с этого момента можно рассматривать как местное. Эти традиции можно считать базовыми истоками дальнейшего развития и трансформации погребально-поминальных традиций лесостепного Алтая на протяжении всего первого тысячелетия.

The article deals with the issues of general theoretical nature related to the problem of determining local cultural traditions. The processes of settling the forest-steppe Altai by the tribes of the Kulaiskaya archaeological culture, which laid the basis for the formation of the Altai variant of the culture, have been briefly characterized. The settlement began in the 4th–3^d centuries BC with the infiltration of small groups of the population of the Novosibirsk variant of the Kulaiskaya culture into the local environment, then it was followed by migration flows of representatives of the Sarovskii stage of the Kulaiskaya culture from the territories of the Tomsk Ob region at the end of the 2nd century BC, which led to a change in the culture of the aboriginal population. The formation of the Altai variant of the Kulaiskaya culture took place on the basis of cultural interaction of the alien Kulaiskaya culture population of the Sarovskii stage with the local population belonging to the Staroaleiskaya and Kamenskaya cultures, which led to the appearance of sites of the final Fominskii stage. Chronological line of the turning points of the local cultural traditions (2nd century AD) has been determined in the article. It characterizes the main features of the funeral and memorial rites of the new population that can be considered local from that moment. Those traditions can be seen as basic, the sources of further development and transformation of funeral and memorial traditions of the forest-steppe Altai throughout the 1st millennium.

Ключевые слова: культура, взаимодействие, первого тысячелетие, лесостепной Алтай, аборигены, инновация.

Key words: culture, interaction, the first millennium, forest-steppe Altai, aborigines, innovation.

DOI: 10.14258/izvasu(2022)2-09

При решении вопросов межкультурного взаимодействия наиболее важным моментом является выявление базового культурного субстрата, который воспринимает инокультурные новации. Различные варианты взаимодействия этого культурного субстрата с инновациями обуславливают и различные модели культурогенеза, не связанного с эволюционными процессами [1, с. 239]. От правильного определения этого базового культурного субстрата зависит репрезентативность последующих выводов.

Несмотря на то что эволюция культуры является как следствием внедрения различных инноваций, так и результатом самостоятельного развития различных культурных традиций, при эволюционном развитии определение этого базового субстрата обычно не вызывает затруднений. Исследователь имеет дело с уже определенным набором культурообразующих элементов, выявляя вновь обретенные. Затем, используя метод аналогий, определяет, в какой культурной среде этот элемент, выступающий как инновация, имеет наиболее широкое распространение, и на базе этих наблюдений выдвигает гипотезу о его заимствовании именно из этой культурной среды. Что может свидетельствовать о культурных взаимодействиях и заимствованиях этих культурных традиций.

Гораздо большие сложности возникают в ходе определения базового культурного субстрата при слабой изученности исследуемого региона в определенный хронологический период или при различных видах межкультурного взаимодействия вследствие миграционных процессов, которые порой радикально меняют культурный облик региона.

Этот базовый культурный субстрат подавляющим большинством исследователей определяется как местное или аборигенное население, культура которого при взаимодействии с представителями других культурных образований, являющихся носителями иных культурных традиций, либо трансформируется, либо, в некоторых случаях, полностью замещает ее. Порой выявление культурных традиций аборигенного населения вызывает определенные затруднения.

С подобным положением мы сталкиваемся при определении аборигенного населения лесостепного Алтая или местного культурного субстрата в период на рубеже эпох в начале I тысячелетия, который становится базовым для всей последующей истории этого региона.

Это связано с радикальным изменением культурного облика лесостепного Алтая в рассматриваемый хронологический период. Первым исследователем, выдвинувшим это положение, является М.П. Грязнов, который в своей знаменитой монографии, способствующей формированию «исходной матрицы» в сознании подавляющего большинства исследователей этого региона, выдвинул гипотезу о полной смене культурного облика населения лесостепного Алтая во II в. н.э. Основанием послужила «...резкая смена облика археологических памятников на Верхней Оби», причиной которой является «...новая культура, привнесенная сюда извне» [2, с. 99].

Неоднозначность многих положений выдающегося ученого вызвала бурную дискуссию в научном сообществе уже на стадии первичной публикации и интерпретации материалов, полученных с Ближних Елбанов [3–9]. Многие положения, выдвинутые М.П. Грязновым, в последующем были пересмотрены или скорректированы. В научном сообществе сложились определенные представления о культурогенетических процессах, проходивших в первой половине I тыс. н.э. на территории Западной Сибири, в том числе и в лесостепном Алтае, изложенные в монографиях Т.Н. Троицкой [10, 11], Л.А. Чиндиной [12] и Ю.В. Ширина [13]. Однако положение М.П. Грязнова о миграции населения из «...северных лесов» [3, с. 116], приведшей к смене культурного облика лесостепного Алтая, остается неизменным и поныне.

Одним из важнейших вопросов, связанных с изменением культурного облика обширного региона, является проблема начала проникновения нового населения, а вместе с ним и культурных традиций. Важность этого положения обусловлена тем обстоятельством, что вся последующая история лесостепного Алтая связана именно с этим населением, которое мы можем теперь называть аборигенным. Его традиции являются тем базовым культурным субстратом, на который в последующем накладывались различные инновации. Этим рубежом М.П. Грязнов определил II в. н.э.

Накопление источниковой базы позволило скорректировать хронологические рамки появления нового населения, связываемого с представителями кулайской культуры. В настоящее время можно говорить о наличии наиболее ранних кулайских материалов на территории лесостепного Алтая уже в IV–III вв. до н.э. [14, с. 111; 15] и выделить наиболее

лее ранний этап развития алтайского варианта кулайской культуры — бочанцевский, с хронологическими рамками IV–III–II вв. до н.э. [16]. Однако характер взаимодействия с местным населением лесостепного Алтая, представленным каменной и староалейской археологическими культурами, пока не позволяет говорить об их замещении новым культурным субстратом, претендующим впоследствии на роль местного.

Полное исчезновение памятников аборигенов, корни которых уходят в бронзовый век, на этой территории фиксируется только во II в. н.э. [17, с. 169]. С этого момента мы можем говорить о новом культурном субстрате, который замещает ранее существовавший и становится аборигенным, представленным носителями культурных традиций алтайского варианта кулайской культуры.

Учитывая, что взаимодействие представителей староалейской культуры с кулайским населением было достаточно длительным и мирным начиная с IV–III вв. до н.э., можно с большой долей уверенности говорить о знакомстве как тех, так и других с погребальными традициями соседей. Это знакомство не могло не отразиться на погребальном обряде раннего кулайского населения, представленного на первых этапах освоения ими территории лесостепного Алтая немногочисленными группами новосибирского варианта кулайской культуры, оставившими памятники бочанцевского этапа [16, 18, 19].

Следующим этапом заселения была вторая миграционная волна населения саровского этапа кулайской культуры из Томского Приобья, которая приходится на II в. до н.э. Представители этого миграционного потока, осевшие в ареале распространения памятников староалейской археологической культуры, также проживали в непосредственном мирном соседстве со староалейским населением [20, 21]. Однако назвать их аборигенным или местным населением пока нельзя.

Говорить о формировании самостоятельного местного культурного субстрата, заменившего пласт культуры племен скифо-сакского культурного круга (каменной и староалейской культур), можно лишь со II в. н.э., когда на основе смешения культурных традиций местного староалейско-каменского населения с представителями саровского этапа кулайской культуры из Томского Приобья формируются погребальные традиции фоминского этапа кулайской культуры.

Для выявления основных черт погребального обряда теперь уже местного, аборигенного населения, сменившего в этом регионе население каменной и староалейской культур, был проведен анализ погребально-поминальных комплексов, который позволил выделить модальные черты этих памятников. Эти модальные признаки можно трактовать

как погребально-поминальные традиции представителей алтайского варианта кулайской культуры, являющиеся как культуурообразующими, так и культуродиагностирующими показателями, характеризующими погребально-поминальные традиции нового культурного субстрата, ставшего аборигенным (местным) для всей последующей истории лесостепного Алтая.

Охарактеризуем погребально-поминальные традиции культурного субстрата.

1. При выборе места для могильников учитывалось наличие в непосредственной близости воды (реки). Все могильники расположены не очень высоко над уровнем воды, не выше уровня бортовой террасы.

2. Могильники грунтовые. Ни курганных насыпей, ни их следов, ни косвенных свидетельств их наличия не зафиксировано.

3. Для погребального обряда характерен биригуализм. В рамках одной культуры существовали два различных способа захоронения — ингумация и кремация. Причем на одном могильном поле могут встречаться погребения, совершенные как способом ингумации, так и способом кремации.

4. Если на раннем этапе развития алтайского варианта кулайской культуры (саровском) погребения совершались способом ингумации, то на заключительном, фоминском, этапе все погребения совершаются способом кремации.

5. Достаточно стабильная ориентация как длинной оси могильных ям погребений, совершенных по способу кремации, так и костяков в погребениях по способу ингумации в направлении восток — запад с различной вариабельностью к северу или к югу, с преобладанием северо-восточной ориентации костяков на саровском этапе с сохранением этой ориентации длинной оси могильных ям на фоминском этапе.

6. Наличие в могильных ямах внутримогильных конструкций, состоящих из перекрытий деревянных рам, как поперечных, так и продольных, и берестяных подстилок. Эволюция погребальных конструкций свидетельствует о том, что их количество по мере развития алтайского варианта кулайской культуры уменьшалось. Если на более ранних этапах ее развития внутримогильные конструкции встречаются в половине всех захоронений, то на заключительном, фоминском, этапе этот показатель составляет уже порядка одной трети всех захоронений.

7. На заключительном, фоминском, этапе при сооружении внутримогильных конструкций начали использовать бересту, чего на ранних этапах в погребальной обрядности не зафиксировано.

8. В погребально-поминальной практике нередки случаи использования огня. Причем они зафиксированы только в погребениях, имеющих внутримогильные конструкции.

9. Все костяки, погребенные способом ингумации, располагались вытянуто на спине.
10. Обязательное наличие в погребениях погребального инвентаря.
11. Отсутствие на площади могильников следов поминальных тризн.

Со II в. н.э. эти традиции погребально-поминальной обрядности стали базовыми, исходными. На протяжении всей последующей истории региона они трансформировались как под влиянием различных инноваций, так и в результате эволюционного развития.

Библиографический список

1. Казаков А.А., Казакова О.М. О центрах культурогенеза на юге Западной Сибири в первом тысячелетии // Известия Алт. гос. ун-та. 2016. № 4 (92). DOI: 10.14258/izvasu(2016)4-40.
2. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ села Большая Речка // Материалы и исследования по археологии СССР, 48. М. ; Л., 1956.
3. Грязнов М.П. Работы Алтайской экспедиции // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М. ; Л., 1947.
4. Грязнов М.П. Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М. ; Л., 1949.
5. Грязнов М.П. Из далекого прошлого Алтайского края. Барнаул, 1950.
6. Грязнов М.П. Археологическое исследование территории одного древнего поселка // Краткие сообщения Института исследования материальной культуры. М., 1951.
7. Грязнов М.П. Некоторые итоги трехлетних археологических работ на Верхней Оби // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М. ; Л., 1952.
8. Чернецов В.Н., Мошинская В.И. Городище Большой Лог // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М. ; Л., 1951.
9. Чернецов В.Н., Мошинская В.И., Талицкая И.А. Усть-Полуйское время в Приобье // Древняя история Нижнего Приобья. М., 1953.
10. Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979.
11. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998.
12. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984.
13. Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк, 2003.
14. Бородаев В.Б. Новообинцевский клад // Антропоморфные изображения. Новосибирск, 1987.
15. Абдулганеев М.Т., Казаков А.А. Поселение Чудачья Гора // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994.
16. Казаков А.А. О времени проникновения кулайского населения на территорию лесостепного Алтая // Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований. Барнаул, 2021.
17. Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. — II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул, 2008.
18. Иванов Г.Е. Поселение Бочанцево 1 — памятник кулайской культуры в степном Алтае // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991.
19. Казаков А.А., Степанова Н.Ф. Керамический комп-лекс раннего железного века городища Аллак 1 // Известия Алт. гос. ун-та. 2020. №5 (115). DOI: 10.14258/izvasu(2020)5-17.
20. Казаков А.А. Поселение кулайской культуры Круглое Озеро // Вестник Омского ун-та. Серия: Исторические науки. 2020. Т. 7. № 2 (26). DOI: 10.24147/2312-1300.2020.7(2).107-114.
21. Казаков А.А. Поселение Ближние Елбаны-IV (по материалам Государственного Эрмитажа) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2020а. № 2 (30). DOI: 10.14258/tpai(2020)2(30).-01.